

МАРИЯ РОМАНУШКО

КАРАНТИН

ПОВЕСТЬ

Мария Романушко

Карантин

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=60967867

ISBN 9785005151520

Аннотация

Страшная болезнь – дифтерия... Тяжело больны взрослый сын и маленькая дочь. Как выдержать посланное тебе и твоей семье испытание, не впадая в отчаяние и безнадёжность? Как научиться замечать тех, кто рядом и кому ещё хуже, чем тебе? Эта книга о внутреннем свете любви, ни одна искорка которого не пропадает напрасно. Действие книги происходит в московской инфекционной больнице осенью 1994 года.

Содержание

Первая больничная тетрадь	5
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Карантин

Мария Романушко

Иллюстратор Мария Романушко

Иллюстратор Ксения Кротова

© Мария Романушко, 2020

© Мария Романушко, иллюстрации, 2020

© Ксения Кротова, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-0051-5152-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Первая больничная тетрадь

Тетрадь, написанная при свече, по ночам, в 1-ой Клинической инфекционной больнице, в палате номер 16, в сентябре-октябре 1994 года, – когда Ксюша болела дифтерией. И было ей в начале болезни 4 года 9 месяцев, а когда мы эту больницу покинули, – 4 года 10 с половиной месяцев. И прожили мы в этой палате целую жизнь...

4 октября 1994 года, вторник.

Уже третью неделю мы с Ксюшей в больнице. У Ксюши – дифтерия.

Как всё произошло:

16 сентября, в пятницу, Антон пришёл в Синий домик и сказал: «Лисичка, что делать, когда горло болит?» (Лисичка – это я, так меня дети ласково называют).

Я посмотрела его горло и ужаснулась: на левой миндалине был какой-то страшный зелёный налёт, какого я в жизни не видала, заглядывая в горлышки своим деткам. Я посоветовала Антону полоскать горло содой, но подумала про себя, что вряд ли это поможет. Послала его в поликлинику; но нашего участкового врача на приёме не было; сказали приходить в понедельник.

Вечером поднялась температура – и Антон слёг. Всю ночь температура держалась около сорока, анальгин не помогал.

Не помогали и спиртовые обтирания. Всю ночь не отходила от своего мальчика, лечила его Рейки (есть такой удивительно-простой способ, удивительный как по простоте, так и по силе: накладываешь руки на больного и молишься... Обычно помогает).

Рано утром температура немного спала, до тридцати восьми. В этот час Гавр собрался и уехал в Бавыкино, так как мы решили, что Антоше уже легче. Но вскоре после его отъезда температура опять подскочила до тридцати девяти – и мне стало страшно. Серо-зелёный налёт распространился по всему горлу. Я поняла, что не справляюсь с Антошиной болезнью: это была какая-то не обычная ангина...

Бросилась к телефону и стала звонить в поисках совета. Коли Шастина не было дома. Мама сказала: «Звони скорее Орлу. Он хотя и невропатолог, но, наверное, что-то тебе подскажет».

Мы подружились с доктором по фамилии Орёл полгода назад. Это был старый добрый доктор, спокойный и прозорливый.

Мой звонок застал его на выходе из дома, он уже открывал двери... Выслушав меня, он без всяких колебаний сказал: «Немедленно вызывайте „скорую“ и – в больницу!»

– Как в больницу?! – запричитала я. – Он же аллергик! Ему неизвестно что начнут колоть...

И тогда мягкий, деликатный доктор заорал:

– Аллергия сейчас – десятистепенное!.. Вы понимаете,

что Антон может погибнуть?!! Речь идёт о жизни!!! Вы меня понимаете?!!

– Понимаю... – сказала я, как бы протрезвев.

И дальше уже действовала без колебаний. Позвонила маме, попросила её дозваниваться до «скорой», а сама кинулась собирать Антона в больницу.

В это время проснулась Ксюша, я её усадила в кресле на кухне и велела не ходить к Антоше. (Но ведь всю ночь мы провели в одной комнате!)

– Антончик, Орёл сказал: надо ложиться в больницу.

– Ну, что ж. Надо, значит, надо.

Ещё до приезда «скорой» я сняла с полки том Большой советской энциклопедии и прочла про дифтерию. Все признаки были налицо.

...Через полчаса Антона увезла «скорая». Можно сказать: по моему требованию. «Это может быть просто ангина, не обязательно дифтерия, – мямлил, позёвывая, врач «скорой». – «Да вы посмотрите в его горло!» – «Ну, если вы так настаиваете...» – «Да, я настаиваю! Я боюсь оставлять его дома. Ещё одна такая ночь...» – «Тогда собирайтесь.» – «Мы уже собраны».

– Сынок, умоляю! не позволяй себе делать уколов без пробы. Обещаешь? Скажи, что ты аллергик. Доктор, можно это где-нибудь записать?

– Да он же взрослый парень. Скажет сам. Сколько тебе?

– Восемнадцать.

Я хотела ехать с Антоном, но мамы всё не было, она слишком долго шла в этот раз с соседней улицы (или казалось, что долго?), пора было ехать, врачи уже ворчали на меня: «Мы же „скорая“! Мы не можем больше ждать вашу бабушку. Ничего с вашим сыном не случится, доедет и без вас».

Антон был серо-зелёного цвета, но держался стойко, как всегда в трудных ситуациях. Я перекрестила его. Дверь «скорой» захлопнулась, она двинулась, мы с Ксюшей стояли и махали ей вслед, пока она не скрылась за поворотом...

У Ксюши был очень живописный вид: пальто поверх ночной пижамы, и незастёгнутые, с распущенными шнурками кроссовки на босу ногу...

Когда пришла наконец мама, я помчалась в Первую Клиническую на Волоколамке. И услышала, что наши худшие предположения насчёт дифтерии подтвердились. Хотя мазок возьмут только в понедельник, (в субботу это почему-то не смогли сделать), но врач сказал, что клиническая картина настолько яркая, что и без мазка всё ясно...

К Антону меня, естественно, не пустили: он лежал в отдельном боксе под капельницей. Врач сказал: «Сильная интоксикация. Противодифтерийную сыворотку уже ввели. Состояние – средней тяжести, температура пока не спадает».

То, что у Антона нет прививки, конечно, усугубляло тяжесть всего происходящего.

И у Ксюши ведь нет прививки! А они были в таком тесном

контакте с братом все последние дни! Накануне, в четверг, я лежала, болея после зубной операции, а они, мои милые, – рядышком со мной: сынок и доченька – один уткнулся в одно плечо, другая – в другое. Тесно, рядышком – одно общее дыхание...

...Из больницы вышла в шоковом состоянии. В ушах звучали слова врача: «Дифтерия страшна своими осложнениями. Особенно тяжело переносят её взрослые».

Шла по улице, залитой всё ещё летним жарким солнцем, и тихонько выла, как раненая собака...

Была суббота, 17 сентября.

Ксюша была весёленькой, никаких признаков нездоровья. Мама убирала квартиру, врачи велели произвести тщательнейшую влажную уборку. Но разве это можно сделать в нашем писательском гнезде, где вороха бумаг повсюду и завалы книг?..

* * *

...Как я рада была, когда два года назад у нас появилась ещё одна квартирка в соседнем доме! Точнее, она была и раньше, но – на другом краю города. А теперь – в пяти минутах ходьбы!

Наш Новый домик. Маленький, двухкомнатный – в дополнение к однокомнатной квартире на тринадцатом этаже си-

ней башни. Кстати, это Ксюша дала им имена: Синий домик и Новый домик.

Конечно, можно было съехаться в большую трёхкомнатную квартиру, но какой в этом смысл, когда Антон уже вырос? Пока будем съезжаться, он возьмёт да и женится (случается ведь такое с выросшими детьми!) – и опять разъжайся?

И потом, с Синим домиком так много связано! Мы слишком любим его, любим, как живое существо, как друга. И совершенно немыслимо променять старого *друга* на *квартиру*. Мы это уже давно поняли. А теперь и Ксюша говорит: «Никогда отсюда не уеду! Всегда тут жить буду».

Жить на два дома – непросто. Папа – в Синем домике, здесь его компьютер. Антон – в Новом домике, здесь у него большая комната. А мы с Ксюшей постоянно мигрируем: туда-сюда, туда-сюда. Потому что не можем без папы и не можем без Антоши! Живя в Синем домике, скучаем по Антоше и по Новому домику, который успели полюбить, обжились уже в нём, обставили цветами и завесили нашими картинками; а живя в Новом домике, скучаем по папе и по Синему домику. Такое вот постоянное разрывание между двумя домами.

Конечно, папа забегает к нам в Новый домик, когда мы все здесь, но его неумолимо тянет в Синий – к компьютеру: папа пишет новую книгу – сказочную повесть... А когда мы в Синем, Антоша то и дело забегает, тоже скучает, ведь мы

столько лет прожили вместе, неразлучно, вплотную. Вот так и курсируем. Благо, что хоть домики наши рядом. Я даже пытаюсь убедить себя в том, что это – ОДИН ДОМ – с таким воздушным коридором: чтобы почаще прохаживаться и продышиваться...

И всё равно страдаю. Ведь больше всего на свете я люблю, когда мы все ВМЕСТЕ.

* * *

Но в этой жизни (убеждаю я себя) много плюсов. Антону теперь есть где заниматься, а при жизни в одной квартире Ксюша ему не давала: «Атося, давай играть!» А у него такой серьёзный факультет – прикладная математика, надо бы задачи порешать, но сестрица этого не понимает. Для неё Атося – это человек, который лучше всех на свете строит башни из кубиков, лучше всех на свете вырезает из бумаги (может вырезать многоэтажный дом с жителями, новогоднюю ёлку в игрушках!), а ещё Атося потрясающе лепит. Из глины, из пластилина и даже из хлеба! И вообще Атося – САМЫЙ-САМЫЙ. И с ним никогда-никогда: не грустно, не скучно, не лениво. С ним всегда интересно и радостно.

Но радости этой сестрице ВСЕГДА МАЛО! Он пробовал играть с ней весь день и весь вечер, до ночи, когда уже у него самого глаза стали слипаться... И что же? Ей всё равно было МАЛО! Она всё равно страшно расстроилась и заплакала, когда он в изнеможении рухнул на свой диванчик: «Нет,

этого ребёнка невозможно насытить! Ксюха, ведь мы играли с тобой десять часов подряд! Неужели тебе МАЛО?» – «Мало...» – всхлипывала она.

Так что какие уж тут задачки по высшей математике, когда рядом такое существо страстное, требовательное и ненасытное!

Ну, теперь-то у Антоши есть возможность уединиться и пожить в сосредоточенной тишине. Не меньше, чем высшая математика, его интересует Библия, – он её читает каждый вечер, страницу за страницей... И есть книги разных философов, которыми забит наш Новый домик – библиотека Гавра, которую он собирал много лет. И вот у этих книг появился ещё один страстный читатель. Так что во всём большой смысл, и в этом нашем полураздельном существовании тоже. Столько лет мы мечтали объединить наши две квартиры в одну, но, как говорится, «человек предполагает, а Бог располагает». Значит, и не надо нам было их объединять, а надо было только приблизить. Антон в Новом домике приучается к самостоятельности, и это здорово. А я постепенно привыкаю к мысли, что сынок мой уже вырос, тренируюсь на маленьких разлуках, не мешаю ему взрослеть.

И ещё один громадный плюс: теперь (как я думала) Ксюша никогда не будет заражаться от нас, взрослых; всегда можно будет скрыться в Новом домике. А то ведь она все наши чихи тут же перенимает на себя.

* * *

А через год такой непростой, но всё равно очень хорошей жизни случилось непредвиденное. Валом повалили Антошины знакомые по переписке... Со всех краёв бывшего Советского Союза.

Первым гостям мы искренне радовалась. О, наконец-то у Антона появились друзья! Мы их с нетерпением ждали, (особенно Серёжу из Питера, а потом Иру из Перми), готовили к их приёму маленькую комнату в Новом домике, устраивали в их честь торжественные чаепития... Смотрели на них чуть ли не влюблённо, слушали, затаив дыхание... Даже бабушка Лида, моя мама, приходила с соседней улицы посмотреть на Антошиных гостей (так это для нас всех было внове!) И я, не уставая, благодарила Бога за то, что у моего сына наконец-то появились друзья! (Это то, о чём я давно просила Его).

Но вскоре произошло то, что неминуемо должно было произойти, если мальчик в десятках, если не в сотнях писем (практически незнакомым людям) написал: «Будешь в Москве – заходи!»

Желающих зайти (и остаться пожить) оказались толпы!..

* * *

Антон был в восторге. Его давнишняя мечта – Дом От-

крытых Дверей – сбывлась! Только мы с Ксюшей в этом доме жить уже не могли. Для нас не было места.

«Ну, родители дорогие, если человек приехал, как же я могу его не впустить?»

Антон вкусил ОБЩЕНИЯ. И никак не мог насытиться. На мои робкие просьбы уменьшить, или хоть как-то регулировать поток гостей, он лишь восклицал в азарте: «Лисичка, ведь так здорово! Приходите и вы к нам жить. Будем все общаться! Не огорчайся, Лисичка, всё хорошо!»

Но что-то было явно не хорошо... Гора грязного белья в ванной росла. (Никто за собой, естественно, не убирал и не стирал). Горы посуды перемывал за гостями Антон. (А те трогательно удивлялись тому, что Антон любит мыть посуду). Гости, к тому же, не страдали отсутствием аппетита, но страдали хроническим отсутствием денег. Вскоре запасы продуктов в доме истощились. «Тебе что, Лисичка, жалко риса или овса? Ведь это всё не так дорого стоит».

Нет, мне не было жалко риса и овса. Но мне было странно: приезжают здоровые парни и девушки и начинают опустошать наш буфет... Почему? (А потом они, наверное, перекочуют к другому буфету).

Когда все запасы, до последней рисинки, были уничтожены, а гости хотели есть, – ты в компании с одним из пришельцев (здоровым взрослым дядей) отправился... попрошайничать. На языке этого дяди, твоего новоявленного «учителя

жизни», это называлось – «аскать». А дядю ты уважительно величал: «Великий аскёр!»

В один из августовских дней вы с «великим аскёром» отправились на рынок у Киевского вокзала и там «аскали», то есть выпрашивали у торговцев еду: у кого морковинку, у кого помидорину, у кого огурец... Вы притащили домой две полные сумки снеди и соорудили шикарный ужин для непонятных обитателей Нового домика...

Забежав в Синий домик, ты, с горящими от восторга глазами, рассказывал мне, как это прекрасно – жить подаянием добрых людей, и как это здорово – давать людям возможность творить добро...

В ту минуту мне показалось, что мой сын сошёл с ума. У меня перед глазами стояла бабуся, с почерневшими и высохшими от работы руками, которая дала тебе морковку, и мне хотелось плакать от жалости к этой бабуся и от стыда перед Богом.

Я не удержалась и высказала тебе всё, что я думаю о твоём «учителе жизни» и о твоих гостях... (Хотя я знаю, знаю, что нельзя говорить резко о друзьях сына. А о врагах сына?.. Которых он по простоте душевной принимает за друзей?..)

Кстати, этот шикарный ужин не пошёл тебе впрок. В этот же вечер, забежав в Синий домик на несколько минут – поделиться восторгом и восхищением – ты свалился с температурой под сорок... У тебя был аллергический криз.

Попросту – отравление. Всё твоё естество бунтовало против того образа жизни и мыслей, которым тебя пытались соблазнить. И который ты чуть было не принял...

Мне, по крайней мере, смысл твоей болезни был ясен. А ты сам понял ли его?..

* * *

Наконец, к началу сентября иногородние гости схлынули. В институте у тебя начались лекции. Ты уже на третьем курсе – ничего себе!

Мы, в четыре руки, перестирали вавилонские горы белья и привели Новый домик в нормальный вид: чтобы в нём опять можно было жить. Правда, московские твои приятели продолжали «тусоваться» почти круглосуточно. Нужно было ввести это в какое-то русло. И тогда возникла идея «тематических тусовок». Раз в неделю, к примеру – по средам. Кому первому пришла в голову эта идея (мне, тебе или Гавру?) уже неважно. Идея была общесемейной, выстраданной.

Ты составил план тусовок на ближайшее полугодие и разослал московским и подмосковным друзьям приглашения.

Мы с Ксюшей собирались сентябрь прожить в Новом домике, привести в порядок цветы и книги...

Но – не успели. Твой звонок из Нового домика: «Лисичка, тут, понимаешь, ребята из Питера приехали... так уж получилось... один музыкальный ансамбль. Ну, когда-то звал...

семь, нет, восемь человек. Ну, прости, Лисичка. Они скоро уедут, тогда вы с Ксюшей приходите жить. Через сколько уедут? Ну, не знаю... они билеты не могут купить».

А через три дня ты пришёл и спросил: «Лисичка, что делать, когда горло болит?» И остался болеть в Синем домике, так как в Новом домике приткнуться было негде: там продолжал «тусоваться» музыкальный ансамбль из Питера...

* * *

...Пока мама убирала, я звонила друзьям. С единственной просьбой: помолиться за моих детей.

Звонил Орёл, извинялся, что утром наорал на меня. Спасибо, спасибо, что наорали!

Дозвонилась Коле Шастину и попросила его позвонить в отделение к Антоше и узнать, как на *самом деле* чувствует себя Антон. Потому что на мои звонки медсестра неизменно отвечала: «Пока без перемен. Не хуже».

Но, значит, и не лучше?!! Значит, так же, как утром?!!

Шастин обещал всё узнать. Но он не стал звонить – а помчался туда. Он прошёл в отделение в своём докторском халате и *сам* осмотрел Антона, и послушал его сердце, что очень важно, так как в первые дни большая опасность осложнений на сердце.

Где-то в двенадцатом часу ночи Коля перезвонил мне. Сказал, что температуру уже сбили, с сердцем пока всё нормально, но очень сильная интоксикация.

Коля, милый, спасибо тебе! Ты настоящий чудесный друг.
Ты настоящий Доктор.

Он сказал: «Можешь ложиться спать».

Ну, спать я, конечно, не могла.

Молилась до рассвета... За своего мальчика, за свою девочку...

Казалось, что Небо надо мной открыто. И молитвы доходят без препятствий.

Меня СЛЫШАТ...

* * *

Утром, это уже было 18 сентября, воскресенье.

Пришла мама, а я помчалась в больницу к Антоше, повезла ему фрукты, разное питье и огромное письмо, которое написала ему этой ночью...

Говорила с заведующей отделением, она как раз дежурила.

Опять услышала про «состояние средней тяжести». Она обещала, что каждое лекарство будут сначала пробовать, помня об Антоновой аллергии.

И даже увидела Антончика! Он выглянул из своего бокса, передал мне через медсестру письмецо. Всё такой же серо-зелёный. Бедный мой, бедный!..

Письмо его бодрое. Единственное, что сейчас заботит и волнует моего сына, так это: состоится ли тусовка, назначенная на ближайшую среду? Горячая просьба, обращённая

к любимому папочке: не может ли он, папочка, провести означенную тусовку?

Читая, горько усмехнулась и подумала: до тусовок ли нам сейчас?..

Потом поехала в храм Всех Святых, отстояла Молебен, заказанный мной накануне.

С Ксюшей опять оставалась бабушка Лида. Они даже погуляли, было так солнечно и тепло!

Мама уговаривала меня поесть чего-нибудь, но я не могла. Вот уже два дня я не могла ничего проглотить. Не мог Антон – не могла и я... Но всё же пару оладушков маме удалось скормить мне, и только тут я поняла, как я была голодна.

(Кстати, позвонила ребятам в Новый домик. Они не высказали ни малейшего огорчения по поводу Антоновой болезни. Вроде, завтра уезжают. Попросила их убрать за собой. Сказали: «Конечно».)

* * *

...А вечером приехал Гавр, и мы его огорошили невесёлой нашей новостью.

А Ксюша была веселенькая: разбирала с папой грибы, которые он привёз нам из бавыкинского леса, уминала за обе щеки пирог от бабушки Муси, хрустела яблоками из бавыкинского сада, была оживлённой и здоровой.

Потом я её уложила спать; она быстро заснула. А в полночь, когда я уже тоже собралась ложиться, она вдруг стала

сильно кашлять и плакать. Я её взяла на руки, она дремала у меня на коленях, но даже и в сидячем положении дышалось ей тяжело.

И я поняла: «Началось...»

Ночь была беспокойной. Ксюша хрипела во сне, несколько раз принималась плакать. Было ясно, что она заболела.

Господи, помилуй мою девочку! И моего мальчика...

* * *

Утром пришёл участковый врач и сказал: «Обычное ОРЗ. Кашель оттого, что насморк стекает по задней стенке горла. Да, мазки, конечно, возьмём, но напрасно вы так волнуетесь. Ну да, у сына дифтерия. А у Ксюши – ОРЗ, ничего страшного.»

Но сердце у меня было не на месте.

Пришли, взяли мазки. Мы с Гавром сбегали в поликлинику и тоже сдали мазки.

Гавр съездил к Антоше. Тот весь в переживаниях из-за тусовки... Решили, что Гавр её всё же проведёт. Чтобы влить в Антона радость – для скорейшего выздоровления.

* * *

Ксюша весь день ничего не ела и не пила, лишь пару глотков чаю. Лекарство, прописанное участковым врачом, глотать отказалась. На неё это было не похоже: она всегда глотала любое лекарство. А тут – наотрез!

И я её стала готовить... к больнице. Я понимала (сердцем чувствовала), что это не ОРЗ. По крайней мере – *не только* ОРЗ.

Весь день я рассказывала Ксюше байки о том, как хорошо и интересно лежать в больнице, в особенности – без мамы. (Я-то понимала, что нас вдвоём не положат, ведь ей уже пятый год). Мне было ясно, что больницы Ксюше не избежать. Я рассказала про каждого из нас: кто, когда и почему лежал в больнице. Рассказала, как Анюта, её старшая сестра, обожает лежать в больнице (это действительно так – с детства обожает!) Главное то, что в больнице можно подружиться!

Ксюша, которая весь день провела в постеле, с жадностью впитывала мои рассказы и без конца просила повторить то один, то другой. Она была в восторге! Она *уже хотела* в больницу и совсем не боялась её. (Это я боялась!) А Ксюша без конца просила: «Расскажи ещё раз про больницу». И её глазки горели любопытством и интересом.

Когда Ксюша задремала, я собрала вещички для больницы: одежду, её любимую книжку про обезьянку Тото и маленький складень с молитвой.

А к вечеру ей стало хуже. Поднялась температура. Я её уложила рядом с собой на тахте. Ночью Ксюша опять хрипела, и было страшно.

Утром Гавр поехал к Антону в больницу, а оттуда собирался на работу.

Ксюша проснулась вялая, бледная. «Ничего не хочу. Со-

всем ничего...» – «Ну, хоть глоток чаю! – умоляла я её. – С сухариками. Или морса. Ксюнечка, тебе ведь лекарство надо принять». – «Ничего... не хочу... ничего...»

Я измерила ей температуру. Тридцать девять! А ведь это ещё утро... Кошмар!

Посмотрела её горло. Ещё вчера оно было чистое, но сегодня... На миндалинах и на задней стенке горлышка я увидела тот же страшный серо-зелёный налёт, что у Антоши. Нет, не зря я собрала вчера вещички для больницы. Это не ОРЗ.

И опять бабушка Лида вызывала нам «скорую», а я дозволилась в Антошино отделение и умоляла медсестру, чтобы как только Гавр приедет навещать сына, тут же отправить его домой...

«Скорая» и папа приехали одновременно. Врач «скорой», хмурая недовольная тётка лет пятидесяти, узнав, что вчера у нас уже был участковый врач, тут же сделала мне выволочку: «Ну, вот и лечитесь у своего врача! Нас-то зачем вызывать?»

– Но у моего ребёнка не ОРЗ, у неё дифтерия! Нам нужно в больницу!

– С чего это вы взяли? – бухтела тётка. – Вот будут готовы мазки, тогда ясно будет: дифтерия или нет. А пока принимайте лекарство, которое вам ваш врач прописал. Лечитесь!

– Но она *не может* глотать!

Тогда тётка полезла в Ксюшино горлышко и стала соскребать налёты. Делала она это грубо и ожесточённо. Ксюша за-

шла в плаче... Её стошнило. «Гавр, Гавр! помоги нам!»

– Мы дома не останемся, – сказала я тётке. – У моего ребёнка ДИФТЕРИЯ!

Тогда тётка, непрерывно ворча, пошла звонить по телефону. Я думала: она ищет для нас место в больнице. Но оказалось, что она вызвала другую «скорую», а сама... уехала!

На смену ей приехала ласковая Наташа, как будто сто лет знакомая, хотя мы видели её в первый раз. Но ей Ксюша горлышко уже не показала. Плакала, сцепив зубы. Но Наташа мне поверила. И стала звонить, искать место. Нашла. В той же, где Антон.

* * *

И вот уже нас везут в Первую Клиническую на Волоколамке. Везут через Ивановский лес. Наш любимый... Как будто специально, чтобы доставить Ксюнечке радость. Прекрасный, роскошный день бабьего лета, а в сердце – ужас.

Мы с Гавром решили, что будем просить и настаивать, чтобы меня положили вместе с Ксюшей. Хотя известно, что с такими «взрослыми» детьми мам не кладут. Но будем пытаться. Я про себя решила, что я от Ксюши не уйду: устроюсь санитаркой, буду ночевать на коврике у её кровати... Как угодно – только быть рядом с моей девочкой. Всю дорогу до больницы горячо молилась об этом...

...Когда наша «скорая» въехала во двор Первой Клинической, я вспомнила любимое выражение мамы Гавра, ба-

бушки Муси, и невесело пошутила: «Семья вместе – сердце на месте». Детское дифтерийное отделение рядом с Антошиным, в соседнем корпусе. Ещё позавчера, проходя мимо него и глядя на зарешёченные окошки второго этажа, из которых выглядывали детки и что-то кричали своим мамам, стоящим внизу, я подумала с замиранием сердца: «Неужели?..»

И вот мы здесь, с Ксюшей. К боксам-распределителям – длинная очередь «скорых». Улыбчивая Наташа ходила куда-то, пытаясь ускорить наше попадание в распределитель, – безрезультатно. Стоим, ждём... Полчаса, сорок минут... Когда выезжали из дому, у Ксюни было тридцать девять. По дороге она вспотела, температура немного спала. Но сейчас опять начинает неуклонно повышаться...

* * *

...Итак, было 20 сентября 1994 года.

Мы сидели в «скорой» в длинной очереди к распределителю и высматривали в окошко Колю Шастина: он обещал подъехать и помочь с Ксюшиным устройством. (По крайней мере, так понял Гавр, когда звонил Коле перед нашим выходом из дома).

Коли не было. И я пошла к центральному входу, посмотреть: вдруг он нас ждёт там, а мы уже здесь. Шастина не обнаружила, но зато встретила священника, который шёл по двору в полном облачении. Он нёс в руках Чашу с Дарами. (Потом я подумала, что этого не могло быть, но я увидела имен-

но Чашу с Дарами!). Батюшка был из храма Всех Святых, что на Соколе. Я очень обрадовалась этой встрече, подумала, что Всехсвятский храм, видимо, окормляет эту больницу, и тут же стала просить Гавра, чтобы он нам обязательно привёз батюшку сюда – причастить Ксюшу и Антона.

...И вот мы, наконец, в боксе-распределителе. И я так робко-робко спрашиваю:

– А мне можно с ребёнком остаться?.. Она у нас не совсем обычная девочка: она с незнакомыми не разговаривает и из чужих рук ничего не берёт. Так что, никто, кроме меня, дать ей лекарство не сможет...

– Пожалуйста, – неожиданно говорит врач. – Отчего же нет? Да, а прививка у вас есть?

– Нет. Прививки нет.

Врач на минуту задумалась... Эта минута тянулась слишком долго, терзая мне сердце. Наконец, врач сказала:

– Ладно. Прививку вам сделают здесь. Скажете своему лечащему врачу, и вам сделают.

О, какое это было счастье! Это было действительно счастье: то, что нас с Ксюнечкой не разлучили. Счастье было так огромно и неожиданно, и от своей неожиданности просто ошеломляюще, – что все последующие испытания происходили как бы ВНУТРИ этого огромного СЧАСТЬЯ. Да, было больно, было трудно, было страшно, но мы с Ксюшей ни на минуту не переставали ощущать огромности свалившегося на нас подарка: МЫ – ВМЕСТЕ! «Господи, какое сча-

стье!» – твержу я уже 22-й день нашего заточения.

Всё равно я бы не оставила свою девочку здесь одну. Но я приготовилась сражаться, вырывать это право когтями, слезами, мольбами, всеми доступными способами: обещаниями мыть полы во всём отделении, спать на коврике... И вдруг – такой Божий подарок!

Поэтому все последующие удары воспринимались не так остро и болезненно.

Ещё в распределителе мы узнали, что у Антоши точно дифтерия.

* * *

При первом же осмотре Ксюши в отделении врач без всяких сомнений заключил: «Дифтерия в осложнённой форме».

Молодой строгий мужчина. Совершенно седой. Синие скорбные глаза. Я ему сразу поверила.

– Что значит «в осложнённой форме»?

– Зева и носоглотки.

– Доктор, а это очень..? (Я не могла договорить «опасно», но он понял).

– Да! – сказал он резко, почти жёстко.

У меня внутри всё похолодело...

* * *

Нам отвели отдельный бокс. Мы вошли – и ужаснулись.

Маленькая комната с высоченным потолком – колодец.

Серые, выкрашенные масляной краской, замызганные стены. В стенах тут и там дыры – как от гранатомёта. Огромная чёрная, в наростах ржавчины батарея. Такая же – через всю стену – ржавая труба. По всей стене – устрашающие чёрные пятна от газосварки. Кажется: только вчера была война...

Две железные койки, взрослая и детская, совсем маленькая, с решёткой на боку. Тёмный, почти чёрный стол. Две облезлые тумбочки. В углу – пеленальный столик, обшарпанный и грязный. Дырявый, вспученный линолеум на полу: буро-зелёный в центре комнаты и – совершенно чёрный от вековой, никогда не смываемой грязи по углам.

Стеклянные двери: из палаты в тамбур бокса. Из тамбура в коридор – тоже стеклянные. Широченное, почти на всю стену, внутреннее окно – в соседнюю палату. Там тоже такая же стеклянная стена. Во всех палатах стеклянные стены и стеклянные двери. Таким образом просматривается всё отделение – насквозь. Аквариум.

На окне – решётка.

Вид этой скорбной обители привёл нас в замешательство и ужас... Мы сели на мою койку, жалобно звякнувшую старыми пружинами. Сидели рядышком и молчали.

– В твоих рассказах про больницу было интереснее, – грустно сказала Ксюша, и я почувствовала себя последней врушкой.

– Больницы разные, деточка, бывают. Эта – старенькая, разваливающаяся... Ну, что ж... Но зато мы ВМЕСТЕ! И,

главное, чтобы тебя лечили хорошо.

А вокруг нас уже бегали. Сделали первый пробный укол. Ксюнечка так доверчиво протянула ручку... Потом поплакала. Только успокоилась, пришли делать второй пробный укол. Ксюша покорно вынесла, но плакала дольше и горше. Потом пришли ещё два врача смотреть её горлышко. И в это же время прибежала лаборантка брать кровь из пальца. Да так долбанула этот несчастный палец – как будто брала кровь не у маленького ребёнка, а у бегемота!

У Ксюши в пальчике дыра образовалась, и она два дня не давала, бедняжка, к нему прикоснуться. Хотя в поликлинике от этого анализа никогда не плакала – ей даже нравилось, интересно было. Но сейчас плакала навзрыд...

И вот, когда она ещё не отплакала над пальчиком, пришла медсестра с судком, в котором лежало ШЕСТЬ шприцев! Боже!...

– Почему так много уколов?! – закричала Ксюша совершенно отчаянно.

У неё началась истерика, она билась у меня на руках, уложить её на койку было невозможно. На помощь пришёл врач-мужчина. Вдвоём мы уложили Ксюшу на живот, он держал её за плечи, я – за ножки...

Медсестра вводила противодифтерийную сыворотку. Ксюша кричала на всё отделение. Господи, как она кричала!.. Сестра сказала: «Это очень болезненно, все кричат».

Потом сестра и врач ушли, а мы остались в этой мрачной замызганной камере. Ксюнечка лежала пластом, поливая подушку слезами. Слезы текли из её глаз двумя непрерывными ручейками...

Я сидела рядом с ней и лечила её Рейки, наложив руки на те места, куда ввели сыворотку. Стоило мне на секунду убрать руки, как она умоляюще вскрикивала: «Не убирай!» – «Тебе легче так?» – «Да».

Благодарение Богу, что есть у человека такая возможность – лечить руками, о которой, к сожалению, не все знают. Вот уже два года лечу так себя и тех, кого люблю. Спасибо Серёже Трофимову, это он нам рассказал когда-то о Рейки и позвал на курсы к замечательному Гансу. Спасибо Гансу за то, что научил.

«Тебе легче?» – «Да».

И – тихая просьба: «Почитай про обезьянку Тото». Первую больничную неделю я читала ей про обезьянку Тото непрерывно... Одной рукой лечила, другой держала книгу. «Чтобы картинки было видно», – тихонько просила Ксюша.

В тот, первый день, я не видела ничего, кроме заплаканного, опухшего от слёз Ксюшиного личика. И кроме обезьянки Тото...

Надвигался вечер; надо было устраивать Ксюшину постельку (она лежала на моей). Для неё была отведена кро-

шечная младенческая кровать. «А побольше у вас нет?» – спросила я нянечку. «У нас все дети-дошкольники на таких спят». – «Странно...»

Но мало того, что она была Ксюше коротка, она была ещё и страшно зловонная. Я подняла дырявый пододеяльник, игравший роль простыни. Под ним – насквозь мокрая от мочи, засыпанная мусором клеёнка. Скинув двумя пальцами всё это на пол, я обнаружила *насквозь* мокрый матрас. Это было уже слишком!

Потащила всю эту мерзость нянечке и стала требовать взамен сухое. Наконец, что-то откопали в ворохе совершенно жуткого пятнистого старья. Мне вручили так называемый «новый», так называемый «хороший» матрас. «А он не заразный?» – «Не-е... Их прожаривают», – сказала нянечка. Кто и где их «прожаривает», что они остаются мокрыми, это осталось тайной.

Этот был посуше, хотя источал всё тот же тошнотворный запах. Этим же запахом – непросыхаемой детской мочи – были пропитаны обе наши подушки. И наощупь тоже были влажными. (Только дня через четыре просохли и слегка выветрились).

А поздно вечером нянечка пошла шуровать по отделению тряпкой с хлоркой. Караул!.. Первые дни запах мочи и хлорки буквально сводил меня с ума. А потом... я привыкла.

* * *

Итак, наступил первый вечер в больнице. Ксюша уже выплакала все слёзы после введения сыворотки. Уже мы прочли несколько раз нашу любимую книжку про обезьянку Тото. И надо было укладывать Ксюнечку спать, но вот беда – она так за весь день ничего не съела и не выпила. Только вчера чашку чая. *За двое суток – чашку чая!* И несколько сухариков. Что делать?

Врачи грозили капельницей. Это было ужасно. Они говорили: «Всё зависит от вас, мамочка. Вы должны её отпаивать: по ложечке, по глотку. И вести учёт: сколько выпила за сутки, сколько выделила».

Услышав про капельницу, Ксюша здорово испугалась и со страху высосала апельсин. После чего забылась тяжёлым сном. Кровать ей была коротка, она лежала, поджав ножки. Дышала шумно: хрипела на всю палату. Было страшно. Господи, помилуй! Господи, помилуй мою девочку! И моего мальчика!.. Мысленно призывала всех своих любимых святых и молила их о помощи.

Погасила свет, прилегла на свою койку, слушала Ксюшино дыхание... Было мучительно холодно; то ли действительно холодно, то ли меня знобило от усталости: ведь я не спала уже пятую ночь. С тех пор, как заболел Антон.

Замёрзнув окончательно и боясь, что Ксюнечке тоже холодно во сне и она простынет, я решила встать и отправиться на поиски дополнительных одеял. Было одиннадцать часов вечера. Я вышла в коридор – и увидела Колю Шастина. Он

сидел неподалёку от нашего бокса в старом кресле. В докторском халате, со стетоскопом в руках. Спокойно так и естественно – как будто это и есть его место – рядом с нашим боксом. «Ну, вот, галлюцинации уже от недосыпа...» – подумала я устало. «Это ты, Коля? Или мне чудится?» – «Я, я... А мне сказали, вы уже спать легли». – «Ксюня-то спит. А я – слушаю... Неужели я могу спать, когда она ТАК дышит?»

Мы вошли в бокс, не зажигая света; и Коля во тьме послушал Ксюшино сердечко и Ксюшин пульс. «Частит...» – сказал он. Послушал её шумное хриплое дыхание... Сказал: «Хочу дождаться дежурного врача и поговорить с ним: что и как они уже сделали, и что собираются делать».

Мы опять вышли в коридор. Нянечка выдала два одеяла. Одним я прикрыла Ксюнечку, в другое закуталась сама. Бил озноб. Шёл двенадцатый час ночи. Врача всё не было. Дежурная сестра сказала, что врач внизу, в приёмной: привезли очень тяжёлого ребёнка. Коля сказал, что он всё равно его дожждётся.

Мы сидели в продавленных креслах у дверей нашего бокса. «Хотел ещё забежать к Антону, – сказал Коля, – поглядеть, как он там. Но, наверное, уже не буду его тревожить, слишком поздно.» – «Да, пожалуй, не надо, пусть спит». – «И тебе бы уснуть». – «Уснуть?! Ты смеёшься?» – «Какой уж тут смех. Но тебе действительно нужно уснуть. У тебя впереди очень трудные дни. И ночи. Тебе нужны силы.» – «Я боюсь спать. Я так давно не спала, что мне кажется:

я могу отключиться». – «Не бойся: ты её не проспичь». – «А вдруг?..» – «Я тебя уверяю: ты будешь вставать к Ксюше каждые пятнадцать минут. А между вставаниями всё-таки спать. Это необходимо *вам обоим*: чтобы ты была в форме. А проспичь Ксюшу ты никогда не проспичь. По себе знаю: когда настроен на ребёнка – слышишь его даже во сне. Когда я в реанимации работал – бывало, уснёшь ненадолго, но и во сне слышишь дыхание и даже пульс ребёнка!» – «Ты знаешь, Коля, я знаю в этой жизни одного живого святого». Он живо поинтересовался: «Кто ж сей?» (Так сказал бы Антоша, это его выражение).

– Да вот он, передо мной, – сказала я.

Коля засмеялся: «Я – самый обыкновенный человек». – «Ну, да. Самый обыкновенный святой».

Я подумала о его жене и о его трёх детках... Впрочем, детки уже наверняка спали. А жена... она ведь знала, за кого она выходит замуж. Коля всегда был таким. И если бы он вдруг стал другим – это был бы уже не Коля Шастин.

Но это был именно Шастин, и он дождался-таки дежурного врача и представился ему: «Коллега из Филатовской».

Дежурный врач (всё тот же, что принимал нас) был очень усталый и немногословный: «Дифтерия – без всяких сомнений, это видно и без мазков. Осложнённой формы: зева и носоглотки. Состояние ребёнка средней тяжести. Но – пока ничего угрожающего. Произведено вливание сыворотки. Нет, в капельнице нет пока необходимости. Второго вливания,

думаю, не понадобится». – «Меня беспокоит сердечко, – сказал Коля. – Пульс частит...» – «Но ведь в пределах возрастной нормы», – устало сказал врач. Лицо у него было совершенно измученное, и мне его было жалко. Он пошёл по коридору, сильно сутулясь и странно, по-журавлиному, сгибая колени. Остановился. Оглянулся. Они с Колей вопросительно посмотрели друг на друга. «Вы хотели ещё что-то спросить?» – «Я думал, вы хотели ещё что-то сказать». – «Нет, нет...» – устало сказал дежурный врач и пошёл дальше своей журавлиной походкой. Он был ещё молодой, Колиного возраста, а голова – совсем седая...

– Ну, видишь, – сказал Коля, – второй раз сыворотку вливать не будут.

– Дай-то Бог... Уж очень она кричала.

– Да, это больно. Так обещай мне, что ляжешь и поспишь.

– Обещаю, Коля. Ну, пока! Езжай, тебя дома ждут. Спасибо тебе.

– Звони, если вдруг что.

– Ладно.

Я постояла у тёмного окна, пока машина Шастина не пронеслась вихрем мимо и не скрылась во тьме больничного парка. Невероятный, блаженный...

Вот уже двенадцать лет Коля Шастин опекает нас. С той самой осени, когда я привезла шестилетнего Антона с нарывающим пальцем в травмапункт Филатовской больницы...

И палец вылечили, и подружились с чудесным доктором. Вот как повезло в жизни. С тех пор чуть что – сразу звоним Коле. Кому же ещё?

Потомственный врач. В четвёртом поколении. И, как раньше земские врачи лечили всех и всё, так и наш Доктор приходит на помощь во всех экстренных случаях. Кстати, если бы он не нашёл мне приличный роддом, когда настал срок появиться на свет Ксюнечке, – неизвестно, что с нами было бы. Скорее всего, мог бы повториться 85-й год – когда я вышла из роддома одна, и ещё два года залечивала раны после «услуг» советской бесплатной медицины...

Коля Шастин – доктор от Бога.

* * *

После того, как в нашей палате побывал Шастин и оставил часть своей ауры, – здесь было уже не так страшно.

Итак, мы в больнице. У Ксюши – дифтерия. Антоша – в соседнем корпусе, тоже ещё тяжёлый...

* * *

Шастин уехал на своей машинерии, старой допотопной «Волге». Вдруг стало страшно за него: как он на ней так гоняет? И когда мы днём ждали его, а он не появился, – мерещилась авария, всякие ужасы... Слава Богу, ничего не произошло. Но вот опять стало за него страшно. Мне вообще страшно за всех наших друзей, которые гоняют на машинах.

Машина – это постоянный риск. Если бы Гавр ездил на машине, я бы за два дня поседела, а на третий – сошла с ума от переживаний.

Перелив в меня своей бодрости и спокойной уверенности, Шастин уехал. Была ночь. Температура у Ксюечки не выше +37,5. Но эти страшные хрипы!..

Я умолила её выпить два глотка апельсинового сока. Прилегла.

Полная яркая слепящая луна светила прямо в незашторенное окно, было так светло, что при желании можно было читать. На стенах колыхались, жили своей таинственной жизнью тени от ветвей... Это было удивительно красиво, и я подумала с горечью, что ночью наш бокс не такой страшный, как днём. Я смотрела на эти живые, изменчивые тени и вспоминала, как в детстве любила засыпать, глядя на игру теней на белой белёной стене...

И – уснула. Спала я очень долго, и мне снился сон, долгий-долгий сон про больничную жизнь... и как мы с Ксюшей первый раз вышли на прогулку в больничный дворик и видим – идёт снег!.. И папа с нами, и это уже не больничный парк, а Ивановский лес...

Вскочила в ужасе: сколько же я проспала?! Смотрю при свете луны на часы... Пятнадцать минут! Как Шастин и говорил.

...И так я засыпала в течение ночи много раз – и каждый

раз на пятнадцать минут. Как будто Коля меня запрограммировал, сказав: «Ты будешь вскакивать к Ксюше каждые пятнадцать минут».

Мне приснилось за эту ночь много снов. В одном из снов я была в гостях у Орла (мы к нему пришли втроём: я, Ксюша и Гавр), а Орла дома почему-то не оказалось. И как-то не по себе от этого всего и очень грустно. Проснувшись, подумала, что Орёл, наверное, заболеет, и меня охватила тревога за него...

Вот, в нашей жизни появился ещё один доктор. Чеховский вариант: доктор-писатель. Родная душа. Только полгода, как знакомы, а кажется, уже сто лет. Двадцать лет живём на одной улице, ходим по одной и той же Берёзовой аллее к метро, но до этой весны не встречались. Почему?.. Можно сетовать и сокрушаться. Но лучше будем радоваться, что всё-таки встретились. Не рано и не поздно, а как раз вовремя. Как и всё в этой непостижимой жизни...

...Летом в парке на Речном вокзале открылся цирк-шапито. Да, теперь на нашем любимом Речвоке есть цирк!

Орёл пригласил меня и Ксюшу на представление. Он хотел познакомиться с моей удивительной девочкой и убедиться, что все диагнозы, которые на неё навешивали другие врачи (аутизм, мутизм) – что всё это ерунда.

«Эммануил Владимирович, а как Ксюше вас называть? Ваше имя-отчество ей не выговорить». – «А пусть называет

Винни-Пухом! – со смехом сказал доктор. – Так меня внук прозвал, когда был маленький. За то, что я толстый и люблю сладкое».

С тех пор мы называем его то Орлом, то Винни-Пухом. Нет, Орёл – это не прозвище. Это фамилия Винни-Пуха.

...В цирке Ксюша сидела, как зачарованная, смотрела во все глаза, – она обожает цирк! Особенно её поразила воздушная гимнастка. А уж как она хохотала над клоуном!.. О, клоуны – это её страсть!

«Я же клоун!» – говорит она. – «Когда я вырасту, я буду работать в настоящем цирке. А ещё я буду рисовать картины и сочинять стихи. Это же можно совместить?» – «Конечно, можно, дочура».

Винни-Пух потом сказал: «Как я и думал, никакого аутизма. Просто творческая личность. Со своей внутренней жизнью, очень напряжённой. Главное – не приставайте к ней. Не мешайте ей жить. Это моё глубокое убеждение: надо дать человеку возможность *прожить его жизнь*».

* * *

Колыхались на стенах изменчивые тени, луна светила прямо в глаза, ослепляя, и я боялась, что она разбудит Ксюнечку, но штор на окне не было, и спрятаться от этого слепящего света было невозможно...

* * *

В следующем сне мы гуляли по крыше одной из высоток. Эта крыша была похожа на город: башни, башенки, но не старинные (как на нашей любимой Крыше на Сретенском бульваре), а все – жёстко-геометрические. Мы гуляем, и в руках у нас воздушный шарик. Тут из-за угла одной из башен появляется наш друг Серёжа Трофимов, мы ужасно ему радуемся. Он берёт наш шарик и начинает надувать его ещё больше. Надувает, надувает его – и... надувается огромный дирижабль!!! И Серёжа начинает с этим дирижаблем показывать очень сложную и красивую пантомиму...

Наверное, этот сон был отголоском нашего недавнего всеобщего похода в цирк-шапито: Серёжа был со своей женой Галей и полуторагодовалым Ванечкой, и Винни-Пух, кстати, тоже был со своим внуком Артёмом, и мы втроем с Ксюнечкой. (А Антон не был, он с детства не любит цирк, из-за того, что там шумно).

Было 31 августа, полупустое шапито, и Ксюня с Ванечкой бегали по рядам, исследуя амфитеатр от первого до последнего ряда, и сами выделявали разные номера, приплясывали под музыку и очень веселились, а их бородатые папы носились за своими чадами, совершенно счастливые, забыв о своём возрасте... Ах, Боже мой, что такое возраст? Возраст – это выдумка скучных людей.

И ещё какие-то сны снились мне, в эту первую больничную ночь, много-много снов, я их все даже не запомнила...

* * *

21 сентября, среда, 2-ой день в больнице.

...Утром я рассказала Ксюше свой сон про снег. И свои подозрения, что мы здесь пробудем до снега. Она сказала. «Ух ты! Ничего себе...»

Мы проснулись (точнее – нас разбудили) в восемь, чтобы измерить температуру. Ксюша очень устала за ночь от своего скрюченного положения в короткой кровати. Я её перенесла на свою, и она с наслаждением вытянулась.

Она лежала, не шевелясь, молча, и смотрела на дерево в окне...

Да, это большое утешение, когда в больничном окне – Дерево!

Её лицо было застывшее, отрешённое, взгляд – погружённый в неведомое... Я знала: если её окликнуть в такую минуту – она не отзовется. Что она видела в этом Дереве?.. ЧЕРЕЗ это Дерево? Куда и как далеко она сейчас ушла из этой комнаты?..

Я давно заметила, ещё когда Антоша был младенцем, и когда Ксюша была крошкой: состояние медитации для маленького ребёнка – *естественное*. Чем ближе к вечности, из которой человек пришёл, тем легче: полностью отключиться от суетного мира, остановив свой взгляд на Дереве, на Цветке, на Звезде...

«Как красиво... – сказала Ксюнечка. – А ведь это не одно

дерево, а вон сколько!»

За окном – толпа берёз и ясеней... Вплотную к окну – два старых ясеня. Но они так переплелись ветвями, что воспринимаются как Одно Прекрасное Дерево.

Окно – на восток. Утром наше Дерево явило нам нежное тихое солнышко, оно просочилось к нам сквозь густую листву, листва при этом вся засверкала... Каждый листок стал выделять невероятно что: плясать в солнечных лучах, отбрасывая в наше окно солнечные зайчики... Солнышко просочилось в серенькую страшенькую палату – и на грязных стенах заплясали тени от ветвей... Решётка тоже отпечаталась на стене. Казалось, что стена расчерчена на солнечные квадраты, и в каждом квадрате – как на экране – свой маленький спектакль теней...

Мы с Ксюшей любовались до тех пор, пока не нагрянули врачи. Их было трое. Нет, вначале, рано утром, зашёл дежурный: вчерашний молодой мужчина, который утром показался мне совсем стариком, такое измученное у него было лицо.

А потом пришли три женщины. Всем четверым Ксюшино горлышко очень не понравилось. Все были очень встревожены. Кроме двух дифтерий (зева и носоглотки) они установили наличие ещё и вирусного ОРЗ, или гриппа. Боялись отёка горла. Назначили второе вливание сыворотки.

Опять мы с медсестрой держали Ксюнечку, а вторая – вливала. Опять Ксюнечка кричала, а я умоляла её потерпеть...

Потом, сделав своё страшное доброе дело, медсёстры ушли, а я осталась с рыдающей навзрыд Ксюшей... Как объяснить четырёхлетнему ребёнку, что эта мучительная боль – во благо? Для Ксюши всё, что с ней делают (держат за руки-за ноги, колют немилосердно жгучими шприцами) – всё это зло, насилие, ужас. Но ведь врачи-то хотят ей добра, выздоровления. Они вовсе не злые – наоборот! Это болезнь злая и очень сильная, вот её и приходится изгонять такими сильными методами, потому что других она не признаёт.

Утешаю, утешаю Ксюнечку, объясняю, объясняю своей умненькой девочке смысл её страданий и мучений, но ей от этого не легче – плачет, неутешная...

Лечу её Рейки. Это ей помогает. Пока держу ладони на тех местах, где кололи, – один плач: горький, тоскливый плач обиды, а только уберу руки – сразу другой плач: острый, надрывной плач боли. И вопль: «Не убирай!!!»

Но мне иногда всё же приходится на секунду оторваться от неё: чтобы закрыть двери бокса и тамбура. (Никто не закрывает! Ни врачи, ни нянечки, ни медсёстры. Выходят – и оставляют всё нараспашку. Вот и работаю весь день швейцаром. Потому что при открытых дверях и холод, и шум.)

И ещё надо детку отпаивать. Каждый глоточек совершается после моих бесконечных мольб. Дважды уже приходили и грозили капельницей. Ксюша испугалась. Капельницу не хочет! Потихоньку начала пить. Веду учёт каждого выпитого глотка. Пытаюсь по чуть-чуть кормить. Но еда не глав-

ное сейчас, главное – пить, пить, пить... Глокает с трудом. Горлышко всё обложено налётом.

Но вот что удивительно. На вопросы: «Болит ли горло?» – упорно отвечает: «Нет. Не болит». Хотя как оно может не болеть?! Удивительный ребёнок! К боли, которая у неё *внутри*, как бы часть её самой, – Ксюша относится с величайшим терпением. Или если сама себе причинит боль – тоже терпит, молчит, ни за что не признается, что больно.

Но вот к боли извне...

* * *

Это было всё ещё первое утро.

Неожиданно меня вызвали на лестничную клетку: «К вам пришли». Выхожу – и вижу Антона! «Боже мой, родненький!» Страшно перепуган и удручён тем, что мы с Ксюшей тоже оказались здесь. Мы стояли на маленькой площадке у лифта – место для неофициальных свиданий с родственниками. (Вообще-то свидания запрещены).

«Как Ксюша?» – «Плохо, милый. Пока ей очень трудно. Молись за неё». – «Я молюсь...» – «Только ты бы не ходил ещё, а?» – «Так я уже здоров, мамася. Всё хорошо! Горло почти чистое, не болит. Чего ж не пройти два шага? Мы же рядом совсем». – «Да, это счастье, сынок: что мы рядом. И папе легче, и мне спокойнее».

Но вид у Антона был ещё очень и очень неважный. Сильно потрепала его эта дифтерия... Смотрела на него, осунувше-

гося, землисто-зелёного, и не знала: говорить ему или не говорить про Новый домик? Про то, что ансамбль из Питера съехал, оставив после себя объедки на столе, полное помойное ведро и горы грязной посуды, перемывать которые пришлось папе. А я, забежав в Новый домик, обнаружила... открытую дверь и разгуливающего по квартире твоего приятеля, Леонида.

И как этот Леонид драпал по лестнице, прихватив тяжёлый рюкзак, и я была уверена, что рюкзак набит тем, что он взял в нашем доме. Я крикнула: «Леонид, вернитесь!» Стояла у распахнутой двери, слушая быстро удаляющийся стук кованых башмаков по ступеням, и думала о том, что ты у меня очень чистый и очень доверчивый человек. Да, ты мне рассказывал про этого Леонида, у которого кличка – «нацист», который засоряет пространство вокруг себя фашистскими газетёнками, у которого непонятные заработки (скорее всего – просто воровство), а ты его жалеешь: «Бедный Леонид, он такой одинокий!» И хотя вся твоя компания бунтует против «нациста», ты его терпишь, не прогоняешь, («Если я его прогоню, он совсем погибнет»), ты надеешься своей терпимостью и добротой перевоспитать его...

Наверное, напрасно ты на это надеешься, думала я, прислушиваясь к стуку кованых башмаков...

Не всё в наших силах, мой мальчик. И чтобы Леонид стал другим, необходимо прежде всего *его*, Леонида, желание. А одного *твоего* желания – явно недостаточно. Это излиш-

нее самомнение: думать, что ты можешь кого-то перевоспитать.

Думать, что я могу кого-то перевоспитать...

Говорить или не говорить?

Ты судишь о людях по себе. Есть поговорка: «Каждый судит в меру своей испорченности». О тебе же можно сказать так: ты судишь в меру своей неиспорченности. Ты в людях видишь только хорошее. Закрывая глаза на всё остальное. Если хорошего разглядеть не удаётся, – как в «нацисте» Леониде – ты жалеешь и любишь ещё активнее.

Ты прав: каждый человек достоин любви. На данном этапе жизни ты воспитываешь в себе всепонимание и всепрощение. Одно время меня это радовало и восхищало, ведь ещё памятен твой переломный возраст, не так давно это было, когда ты был убеждён, что вокруг – сплошь «враги».

Ты – максималист. Из одной крайности – в другую.

Прости, но я должна была тебе это сказать. Наверное, всё же надо (ведь надо же?) учиться отличать чёрное от белого. Правду от лапши. Друзей от врагов. Всеядность не доводит до добра. Августовский аллергический криз, теперь – дифтерия... Не результат ли это твоей всеядности?.. Подумай. Сейчас у тебя есть для этого время. Господь дал тебе возможность.

Говорить или не говорить? Про окурки на полке, где иконы... Увидев это, я была в шоке. Тем более, ты говоришь:

в доме никто не курит. Значит, курят в твоё отсутствие? Приходят и живут... И творят, о чём ты не ведаешь...

Так не хочется тебя огорчать, ты ещё болен. Но – приходится, ничего не поделаешь. Может, эта болезнь послана нам всем с каким-то смыслом? Постараемся его понять, милый.

Только вот Ксюню безумно жалко. Дети всегда страдают безвинно...

* * *

Перед обедом приехал Гавр. (Общались там же – у лифта.) Привёз мне новенький симпатичный халатик – чтобы не пугать Ксюнечку буро-зелёной больничной страшилкой, которая на мне была надета. Ещё привёз игрушек, книжек и дюжину разных соков для Ксюнечки. Только бы пила!

Постояли на лестнице, погоревали... Смотрела в твои глаза, полные любви и тревоги.

Я сказала: «С праздником! Сегодня – Рождество Богородицы». – «И тебя, милая». – «Сходи, пожалуйста, в храм, закажи молебен Богородице.» – «Обязательно. Да, тебе привет ото всех. Феликс, Оля Щепалина и Серёжа Трофимов отслужили молебны о наших детках. И Наташа Кнорре. Все за вас молятся». – «Я это очень чувствую. Спасибо всем. Каждому.» – «Пух очень переживает, что накричал на тебя...» – «И ему спасибо». – «Сегодня вечером провожу тусовку». – «Откуда у тебя силы, милый?» – «Антоша очень просил, я обещал. Надо. Ему это очень важно: чтобы первая тусовка

состоялась. И потом: я горжусь, что он мне доверил такое дело. Кстати и с ребятами его познакомлюсь. И погляжу на них и послушаю, тема-то тусовки – поэтическое творчество. Интересно всё-таки, что пишут нынешние молодые. Им сегодня столько же, сколько было нам, когда мы встретились...» – «Жалко, что я не услышу.» – «Ещё услышишь». – «Удачи тебе...»

К нам вышла лечащий врач, Алина Николаевна. Она сказала, что лежать нам с Ксюшей не меньше месяца. Что дифтерия страшна не столько сама по себе, хотя и сама по себе она страшна, но и своими возможными осложнениями: на сердце и на нервную систему. И что всех детей наблюдают до тех пор, пока сроки возможных осложнений не минуют.

Господи, хотя бы осложнений не было! Господи!..

* * *

Первые дни, первые три дня: бесконечная молитва о Ксюнечке. И об Антоше. И бесконечное благодарение Бога за то, что мы с Ксюнечкой в этом нашем испытании вместе.

20, 21, 22 сентября... – самые трудные, самые длинные и мучительные дни. Ксюшино хрипящее горлышко. Набеги – по пять раз в день – врачей. Консилиумы. Первое вливание сыворотки – налёты в горле не проходят. Второе вливание сыворотки – налёты не уменьшаются. На третий день – третье вливание.

– А надо ли? – робко спрашиваю врачей. – Может, подо-

ждать?..

– Чего ждать, мамочка? Отёка горла?! Выхода нет, надо вливать.

Душераздирающий Ксюшин крик... мокрая от слёз подушка...

Против третьего вливания всё во мне протестовало: ведь Ксюша – аллергик, какая будет реакция? И потом: куда так много??? Ведь она маленькая! А сколько шприцев в неё уже закачали!!!

– Выхода нет, – сказали врачи.

...Потом нянечка Тася рассказала: незадолго до нашего поступления в отделение умер ребёнок. Которого посчитали *не слишком* тяжёлым и не сделали ещё одного вливания. Я оцепенела от её рассказа и мысленно поблагодарила Бога, что нам – сделали.

Первые три дня – как одна огромная вечность, наполненная до краёв болью, слезами, тревогой и молитвами...

* * *

Так, значит, месяц... В этой страшной конуре?!

Но разве в такой обстановке, в таком жутком «интерьере» ребёнок может выздороветь?! Здесь и здоровый заболит!

И впрямь, сон мой может сбыться: проживём мы здесь до первого снега... Глядя на пышное, жаркое бабье лето за окном, трудно было в это поверить.

Но раз так – значит, так. Я приняла это без внутреннего

ропота. Приняла как *условие жизни*.

Месяц, сказал лечащий врач. А то и больше... Для ребёнка – это *целая жизнь*! Если неделя в Одессе, неделя на даче в Новогришино и три дня в Бавыкино показались Ксюше целой жизнью, то месяц – тем более.

...Моя девочка третий день пластом лежала на кровати – на животе (даже на бок лечь ей было больно) и выщипывала из подушки пёрышки... Она отдавала их мне со словами: «Я тебе дарю!» Ещё она рассматривала цветочки на наволочке: «Какие красивые!..» и трещинки на серой масляной стене: «Смотри, какие интересные трещинки! Трещинки Роршаха!»

Милая моя девочка! и в этом страшненьком обиталище она искала и *находила красоту*! Красота ей необходима не меньше, чем лекарства. «А вот посмотри, Ксюнечка, в стеклянную дверь, – смотри, как красиво дерево отражается!» – «Да... – протянула она восхищённо. – Целая толпа деревьев!»

Действительно: наше Дерево отражалось дважды, нет, даже трижды! – в стеклянных дверях палаты, в стеклянных дверях тамбура и в стеклянной стене. Казалось: мы сидим в аквариуме, или в батискафе! – а вокруг нас колышется лес водорослей... И эта таинственная игра света и теней на стенах!.. Я поймала себя на том, что уже не вижу замызганных стен, а вижу лишь игру живых теней...

– И тени на стенах красивые, правда?

– Да... – прошептала Ксюнечка. Но взгляд у неё был печальный и отрешённый.

И вообще в первые три дня она почти не говорила. Только просила: «Почитай про обезьянку Тото». Или: «Расскажи что-нибудь. Какую-нибудь сказку».

И я ей рассказывала. Про Золушку, про Снежную королеву и про Спящую красавицу. Оказывается, я тоже умею рассказывать сказки. А не только папа.

* * *

Я сказала Ксюше: «Нам тут лежать долго, детка. Наверное, месяц».

– Почему так долго? – её глаза наполнились слезами.

– Чтобы выздороветь окончательно. Но я тебе обещаю, что этот месяц мы проживём очень интересно и счастливо.

И я принялась составлять список: что нам нужно для жизни в этих условиях.

Прежде всего – прикрыть убожество этих стен. Для этого нужны старые детские книжки с весёлыми картинками, чтобы не жалко их было разорвать и развесить картинки по стенам – закрыть чёрные пятна от газосварки и дыры. Ещё нужны жёлтые кленовые ветки, ветки рябины с яркими гроздьями... Красивая клеёнчатая скатерть – замаскировать ржавую батарею. Так... Ещё нам нужен магнитофон с песнопениями отца Романа, медитативной музыкой и Джо Дассеном – всё наше с Ксюшей любимое. Ещё нужны надувные шарiki,

ножницы для вырезания, головоломки, фломастеры, альбом, краски и кисточки... И, конечно, букет цветов!

Вручила папе список из двадцати пунктов. На следующий день он всё принёс – кроме красивых жёлтых веток. Принёс почему-то зелёные. «Я же тебя о жёлтых ветках просила, – обиженно укорила я его. – Нам нужны яркие цветочные пятна в палате: яркие, солнечные!» – «Да я понимаю... Только нет ещё жёлтых веток – всё зелёное» – «А...»

– А я, ты знаешь, с того дня, как вы уехали, даже посуду ещё не помыл, – признался Гавр.

Я смотрела на него в полном ошеломлении: прошла ведь *вечность*! И он за эту *вечность* не успел помыть посуду?!

Но это для нас с Ксюечкой – вечность, а для нашего папочки – три страшных дня, которые он метался между работой, больницей и магазинами: в поисках того, что ела бы, что пила бы Ксюечка... Лишь к ночи возвращаясь в пустой дом, где его охватывала тоска... Но он тут же принимался собирать для нас сумку, стараясь не упустить ни одну из моих просьб.

В один из первых дней Гавр купил дюжину пакетов с оранжевыми собаками. И эти ласковые весёлые пёсики полтора месяца, изо дня в день, приносили Ксюше что-нибудь вкусненькое и интересное. На второй же день пёсик принёс чудесного слонёнка в мерцающем шаре. Казалось, слонёнок выступает на цирковой арене...

Маленький волшебный цирк лежал на Ксюшиной подуш-

ке. Она смотрела на него и медитировала...

* * *

В палате уже не так страшно. Закрывает чёрную батарею. Застелила яркими скатёрками стол и пеленальный столик. Чёрные пятна на стене замаскировала зелёными кленовыми ветками. На столе Ксюшины книжки, фломики... Складень с иконками. На тумбочке у Ксюшиной кровати – букет белых хризантем...

Конечно, не дом родной, но уже и не тюремная камера.

* * *

Невыносимо медленно тянулись первые три дня... После ввода сыворотки второе по тяжести мучение – это пить. Необходимость и невозможность пить.

– Она должна выпивать не меньше 600 граммов в сутки.

Не меньше! Это – минимум. И столько же выделять.

– 600 граммов?! Это же три стакана!

– Да. Не меньше.

– Но она и три глотка выпивает с трудом...

– Давайте тогда не по три, а по одному глотку. Отпаивайте, отпаивайте её! Для этого мы вас и взяли сюда. А иначе – капельница!

Напоминание о капельнице вселяло в меня решимость.

– Ксюня, Ксюнечка, давай выпьем глоточек!

– Не хочу...

– Один глоток, *единственный!*

Папа принёс нам десятки разных соков.

– Виноградный, твой любимый, Ксюнечка.

Один глоток отопьёт – и в сторону: «Нет, не хочу». «А вот яблочно-малиновый, Ксюнёк». – «Нет...»

Но всё-таки «апельсин в чёрных очках» пришёлся ей по вкусу. По чуть-чуть, по капельке, и вот уже выпит маленький пакетик – стакан! Ура! Первая победа.

Веду учёт каждого глотка, каждой виноградины, каждого ломтика апельсина...

«Может, арбуз она будет есть?» – говорю папе. И папа тут же принёс арбуз, сладкий, сахарный! Ксюня как набросилась на него! Так сразу половину и съела. Это был настоящий прорыв, выход из окружения, из плотного кольца «не могу» и «не хочу».

– Ксюня, арбуз хочешь?

– Хочу!!!

Слава Богу. Слава Богу.

Но какая же она слабенькая, Господи! Вечером засыпает в восемь часов. Это наша-то совушка! Которую обычно и в полночь не уложишь.

Гашу свет в нашем боксе, но всё равно светло: горит свет в коридоре, в соседнем боксе, так что можно даже читать. Гавр принёс молитвенник. Ксюша внимательно вслушивается в слова молитв.

Потом она засыпает и дышит уже полегче, потише... Сла-

ва Богу.

* * *

В девять вечера выключают свет и в других боксах – отбой. Приглашают свет в коридоре. Остаётся только полная луна в окне...

Я лежу на топчане, узком и коротком. В ногах у меня стул. Матрац короткий, детский, снятый с Ксюшиной маленькой кровати. Жёстко и коротко, но мне как-то всё равно. Ничего другого и не хочется. Я даже рада в душе, что мне так жёстко спать, что я тоже хоть немного страдаю – вместе со своей девочкой.

Ночью кажется, что лес деревьев входит прямо в комнату... Мы сейчас с Ксюнечкой, кроме «Обезьянки Тото» читаем ещё «Волшебную шляпу» – про муми-троллей. Там есть такой эпизод: когда в доме вырастает тропический лес, прямо *внутри* дома. Вот и у нас в боксе такой тропический волшебный лес по ночам... Да, Ксюнечка дышит сегодня потише... И я не могу уснуть от радости. Хотя поспать надо бы: я уже неделю почти без сна.

Но уснуть не дают ещё и громкие голоса, бормотание телевизора... Это с нашей палатой граничит «сестринская», и мой топчан – как раз у этой стены, которую и стеной-то не назовёшь: это просто лист фанеры, которым заколочено бывшее, такое же широкое, как и во всех других палатах, окно. По вечерам, разогнав детей по палатам, медсёстры и ня-

нечки собираются у меня прямо над ухом... Странно, но меня эти ночные голоса и телевизор совершенно не раздражают. Они создают даже некоторый уют: в полной тишине мне было бы тоскливо. Да, я – дитя города, более того, я – дитя муравейника. Всё своё раннее детство я засыпала под гомон голосов за стеной, под говор радио, под пение патефона... Вот какой я древний человек! – я засыпала под пение патефона... «Что такое патефон?» – спрашивают с изумлением мои дети.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.